

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.35
JEL: R11, R13

**Анализ и оценка уровня институционального развития России
и стран Центральной Азии на основе международных индикаторов
в условиях глобальной нестабильности**

Г.Г. Бобоев, к.э.н., соискатель докторантуры ИПР РАН
AuthorID (РИНЦ): 1252447
e-mail: boboev_g81@mail.ru

Для цитирования

Бобоев Г.Г. Анализ и оценка уровня институционального развития России и стран Центральной Азии на основе международных индикаторов в условиях глобальной нестабильности // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 1. – С. 147-165.

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-147-165

Аннотация

В статье рассматривается анализ и оценка уровня институционального развития России и стран Центральной Азии на основе международных индикаторов в условиях глобальной нестабильности. **Цель работы.** Анализируется динамика и структура институционального развития России и стран Центральной Азии на основе международных рейтингов. Рассматривается индекс экономической свободы за период 2000–2024 годов и его влияние на институциональное состояние России через построение множественной регрессионной модели. Подчеркивается значимость региональной институциональной конкуренции, особенно со стороны Казахстана и Узбекистана. Особое внимание уделяется институциональным рискам, связанным с Таджикистаном и Туркменистаном, а также демонстрационному эффекту успешных реформ. Анализируется индекс восприятия коррупции, где устойчивые положительные тренды наблюдаются в Казахстане и Кыргызстане. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Построена многофакторная модель количественного анализа институционального отставания России и стран Центральной Азии на основе международных индексов (Index of Economic Freedom, Corruption Perceptions Index, Worldwide Governance Indicators). Впервые в научной литературе представлена регрессионная модель, оценивающая влияние институциональных характеристик стран ЦА на индекс экономической свободы России. Анализ выявил статистически значимую институциональную взаимосвязь между странами региона, а также дифференцированное влияние отдельных государств на институциональные ориентиры России. **Выводы.** Выявлено, что Казахстан и Узбекистан оказывают стимулирующее воздействие на институциональное развитие РФ, в то время как Таджикистан выступает в роли фактора риска. Полученные результаты позволяют оценить трансграничные институциональные эффекты в рамках евразийской интеграции.

Ключевые слова: *Россия и стран Центральной Азии, анализ и оценка, динамика и структура институционального развития, сбалансированный и устойчивый экономический рост, международные индикаторы, глобальная нестабильность.*

Analysis and assessment of the level of institutional development of Russia and Central Asian countries based on international indicators in the context of global instability

Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the MEI RAS

AuthorID (RSCI): 1252447

e-mail: boboev_g81@mail.ru

For citation

Boboev G.G. Analysis and assessment of the level of institutional development of Russia and Central Asian countries based on international indicators in the context of global instability // Market economy problems. – 2025. – No. 1. – Pp. 147-165 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-147-165

Annotation

The article examines the analysis and assessment of the level of institutional development of Russia and Central Asian countries based on international indicators in the context of global instability. **The purpose of the work.** The dynamics and structure of the institutional development of Russia and Central Asian countries are analyzed on the basis of international ratings. The economic freedom index for the period 2000-2024 and its impact on the institutional state of Russia through the construction of a multiple regression model are considered. The importance of regional institutional competition, especially from Kazakhstan and Uzbekistan, is emphasized. Particular attention is paid to the institutional risks associated with Tajikistan and Turkmenistan, as well as the demonstration effect of successful reforms. The corruption perception index is analyzed, where stable positive trends are observed in Kazakhstan and Kyrgyzstan. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** A multifactorial model of quantitative analysis of the institutional backwardness of Russia and Central Asian countries based on international indices (Index of Economic Freedom, Corruption Perceptions Index, Worldwide Governance Indicators) has been built. For the first time in the scientific literature, a regression model is presented that evaluates the impact of the institutional characteristics of Central Asian countries on the index of economic freedom of Russia. The analysis revealed a statistically significant institutional relationship between the countries of the region, as well as the differentiated influence of individual states on Russia's institutional guidelines. **Conclusions.** It is revealed that Kazakhstan and Uzbekistan have a stimulating effect on the institutional development of the Russian Federation, while Tajikistan acts as a risk factor. The results obtained make it possible to assess cross-border institutional effects within the framework of Eurasian integration.

Keywords: *Russia and Central Asian countries, analysis and assessment, dynamics and structure of institutional development, balanced and sustainable economic growth, international indicators, global instability.*

Введение

Анализ наиболее значимых индикаторов институционального развития представляет собой важный инструмент для оценки актуальных тенденций в эволюции российских институтов и их сопоставления с реальной социально-экономической ситуацией в России на фоне аналогичных процессов в государствах Центральной Азии (ЦА). Измерение таких параметров, как уровень защиты частной собственности, эффективность функционирования государственного управления и качество регуляторной среды, позволяет не только обогатить теоретическую базу исследований по проблематике институциональных преобразований России

и стран ЦА, но и дает возможность осуществлять практическую оценку среднесрочных и долгосрочных перспектив их развития.

Применение полученных данных способствует выявлению потенциальных угроз для устойчивого экономического роста, обусловленных спецификой переходных экономик в условиях глобальной трансформации мировой системы. Формирование объективной картины институционального состояния на основе данных показателей служит основой для прогнозирования направлений развития и определения ключевых факторов, способных повлиять на динамику социально-экономических процессов в указанных регионах [14]. В странах России и ЦА в научной литературе акцентируется внимание на явлении «институционального отставания», проявляющемся в рассогласовании между высокими темпами экономического роста, наблюдавшимися в первом десятилетии XXI века, увеличением среднедушевых доходов и сохраняющимся сравнительно низким уровнем ключевых институциональных показателей [9].

Оценивание степени институционального развития указанных стран может осуществляться с применением оригинальной многофакторной статистической модели, предназначенной для объяснения фундаментальных межстрановых различий посредством ограниченного набора экономических, географических и культурно-исторических переменных. В рамках моделирования целесообразно использование модифицированной гравитационной модели внешней торговли, что позволяет повысить точность количественной оценки институционального отставания России и стран ЦА, а также отследить его динамику на протяжении последних двадцати пяти лет [13].

Формальное ускорение институциональных реформ оказывается недостаточным условием для преодоления выявленного отставания. Существенное значение приобретает повышение качества преобразований и их соответствие ожиданиям не только ключевых выгодоприобретателей реформ, но и широких слоёв населения.

1. Анализ и оценка уровня институционального развития России и стран ЦА на основе международных индикаторов.

Для проведения международных сравнений применяются такие индикаторы, как Индексы управления Всемирного банка (WB WGI) и Индекс восприятия коррупции организации Transparency International (TI CPI) [31]. Использование указанных источников данных позволяет исследователям формировать целостную, внутренне согласованную картину институциональной динамики России и стран ЦА.

Переход к изучению институтов в качестве одного из факторов экономического роста стал возможен благодаря развитию новой институциональной экономики, концептуальные основы которой были заложены Д. Нортом. В рамках этой теории институты рассматриваются как эндогенный (внутренний продукт процесса) продукт процесса экономического развития, а инвестиции в основной капитал – как ключевой фактор роста. При этом такие элементы, как инновации, эффект масштаба, образовательный уровень населения и инвестиционная активность, интерпретируются не в качестве независимых детерминант, а как составные части самого процесса роста. На основе данных положений была сформулирована альтернативная гипотеза, согласно которой различия в темпах экономического роста между странами объясняются институциональными различиями.

Оценка уровня институционального развития России и стран ЦА представляет собой важное направление сравнительного анализа в рамках исследований социально-экономической трансформации постсоветского пространства. Для объективной и сопоставимой характеристики институциональных изменений используются международные индикаторы, такие как Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) (таблица 1), Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) (таблица 1), а также показатели Всемирного банка по качеству государственного управления (Worldwide Governance Indicators). Эти инструменты позволяют выявить ключевые различия в качестве институтов, уровне правовой определённости, прозрачности и эффективности государственного управления в регионе.

Индекс экономической свободы стран ЦА и России с 2000 г. по 2024 г. представлен в [4], на основе этих данных будет проводиться анализ, кратко данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика индекса экономической свободы ЦА и России с 2000 по 2024 гг., баллы [4]

Страны	2000	2005	2010	2015	2020	2024	Изменение
Казахстан	50,4	53,9	61,3	63,3	69,6	62,54	12,14
Таджикистан	44,8	50,4	53,25	52,7	52,2	51,3	6,5
Туркменистан	37,6	47,6	42,5	41,4	46,5	46,3	8,7
Узбекистан	38,1	45,8	47,5	47,15	57,2	55,9	17,8
Кыргызская Республика	55,7	56,6	61,3	61,3	62,9	55,2	-0,5
Россия	51,8	51,3	50,3	52,1	61,56	52,2	0,4

Источник: составлено автором на основании данных [4].

Анализ динамики индекса экономической свободы за период 2000–2023 годов демонстрирует, что институциональные траектории стран ЦА и России существенно различаются как по уровню, так и по стабильности достигнутых результатов. При этом прослеживается определённая взаимосвязь между качеством институтов и способностью к адаптации в условиях внутренней и внешней турбулентности.

Наиболее устойчивую и поступательную динамику продемонстрировал Казахстан, индекс которого вырос с 50,4 в 2000 году до пиковых значений свыше 70 в начале 2020-х годов. Этот рост свидетельствует о системной работе по укреплению рыночных институтов, либерализации и цифровизации госуправления. Казахстан выступает примером страны, где последовательная институциональная модернизация привела к ощутимому росту доверия со стороны инвесторов и международных рейтинговых агентств.

Россия в этот же период демонстрировала более волнообразное поведение индекса, с умеренным ростом после 2016 года (от 50,6 до пика в 61,56 в 2020 году), за которым последовало снижение. Такая динамика отражает структурные ограничения институциональной системы, зависимость от внешнеполитических факторов и внутренние барьеры на пути реформ. Однако рост в 2016–2020 годах также может быть интерпретирован как реакция на институциональное давление извне – в том числе со стороны государств ЕАЭС, усиливших институциональную конкуренцию в регионе.

Крайне нестабильные показатели демонстрирует Таджикистан, где рост в середине 2010-х годов сменился резким падением после 2020 года. Такая динамика указывает на неустойчивость реформ и высокий уровень зависимости от внешних трансфертов и политической конъюнктуры. Туркменистан сохраняет традиционно низкий уровень экономической свободы, несмотря на отдельные позитивные сдвиги в 2017–2019 годах. Это свидетельствует о слабой институциональной инерции и закрытости системы.

Узбекистан, напротив, показывает убедительную институциональную трансформацию: начиная с уровня 38,1 в 2000 году, страна вышла на показатель свыше 56 пунктов в 2023 году. Такой прогресс – результат политической воли на реформы и курса на рыночную открытость. Кыргызстан удерживает относительно стабильные значения, хотя после 2021 года также фиксируется спад, вероятно связанный с внутренними политико-экономическими вызовами.

Сопоставление данных позволяет заключить, что наибольший институциональный прогресс демонстрируют страны, ориентированные на системные реформы и интеграцию в международную экономику. В этих условиях России необходимо учитывать региональные институциональные тренды как фактор формирования внутренней повестки. Институциональное развитие в странах ЦА оказывает не только демонстрационный эффект, но и влияет на структуру экономического взаимодействия, инвестиционные потоки и эффективность многосторонних инициатив.

Итак, выделим тренды, Россия демонстрирует плавный рост индекса с небольшими колебаниями, особенно после 2016 года, Казахстан стабильно растёт, особенно после 2015 года, Кыргызстан и Узбекистан показывают устойчивый рост после 2010-х годов, Туркменистан и Таджикистан остаются на низком уровне, с медленным прогрессом.

Особую актуальность в исследовании факторов экономического роста приобрела работа Дэни Родрика и его соавторов «Институты главенствуют» (2002 г.), в которой на основе межстрановых регрессионных моделей, построенных на длительных временных интервалах, было установлено, что качество институтов оказывает значительно более сильное влияние на долгосрочные темпы роста по сравнению с иными фундаментальными факторами [29].

Историческое наследие СССР определило особую роль Российской Федерации как стратегического партнера стран ЦА. Взаимодействие между государствами носит комплексный характер и развивается в рамках различных интеграционных структур, таких как ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС, а также через двусторонние гуманитарные проекты. Важное место в двусторонней повестке занимают вопросы трудовой миграции. Приток трудовых мигрантов из стран ЦА существенно влияет на заполнение отдельных сегментов российского рынка труда, в том числе в сфере теневой экономики [5].

Рынок рабочей силы стран ЦА продолжает оставаться основным источником неквалифицированной рабочей силы, не находящей устойчивого применения в родных экономиках и всё реже востребованной в зарубежных странах традиционного трудоустройства. Массовое возвращение мигрантов на родину без финансовых накоплений увеличивает риски их вовлечения в криминальные структуры и теневую экономику. В связи с этим центральные правительства республик региона должны сосредоточить усилия на создании новых рабочих мест в открытых секторах экономики. Развитие альтернативных сегментов рынка труда способно существенно изменить миграционные потоки, снизить социальную напряженность и лишить экстремистские движения базы в лице социально неустроенной молодежи и трудоспособного населения в возрасте от 25 до 60 лет [16].

К настоящему моменту накоплен богатый тридцатилетний опыт трансформации национальных экономик стран ЦА, что требует перехода к выработке новой концепции экономического взаимодействия и сотрудничества. Являясь перспективным регионом с высоким инвестиционным потенциалом, ЦА оказывает заметное влияние на развитие соседних государств и целых макрорегионов [20].

Глобальная тенденция снижения реальных процентных ставок в значительной степени обусловлена демографическими изменениями, в частности замедлением темпов роста численности населения и его старением. Согласно макрофинансовому подходу, активно развиваемому исследователями Банка международных расчетов, традиционная точка зрения переоценивает масштабы снижения долгосрочных реальных равновесных ставок. В рамках макрофинансового анализа утверждается, что основным фактором является не столько воздействие реальных фундаментальных переменных, сколько трансформация режимов денежно-кредитной политики. При этом демографические изменения через влияние на финансовый цикл оказывают косвенное воздействие на краткосрочные нейтральные ставки [18].

Для российской экономики, традиционно ориентированной на экспорт энергоресурсов, первостепенное значение сохраняют факторы реальной экономики, что сближает ее с традиционным подходом к оценке равновесных ставок. Однако по мере углубления развития национального финансового сектора макрофинансовый подход приобретает всё большую актуальность. Оценки динамики долгосрочной естественной процентной ставки в рамках обеих концепций, как показывает анализ, для России будут иметь сопоставимый характер.

2. Выявление зависимости индекса экономической свободы России от аналогичных показателей стран ЦА на основе построения экономико-математической модели множественной регрессии

Перейдём к построению экономико-математической модели множественной регрессии, целью которой является выявление зависимости индекса экономической свободы России от аналогичных показателей стран ЦА за период 2000–2024 гг.

На предварительном этапе были собраны данные по индексам экономической свободы для Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Кыргызской Республики. Страны ЦА выбраны в качестве факторов (независимых переменных) на основании географической, экономической и историко-политической взаимосвязанности с Россией.

Анализ корреляционных связей показал наличие статистически значимых взаимосвязей между индексом экономической свободы России и индексами указанных стран. Это позволило выдвинуть гипотезу о возможности моделирования индекса России через линейную комбинацию индексов экономической свободы стран ЦА.

В качестве методологической основы выбрана модель множественной линейной регрессии, так как она позволяет учитывать влияние сразу нескольких факторов на одну зависимую переменную.

Приведем формула множественной линейной регрессии в математическом виде:

$$y = \beta_0 + \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \beta_3 x_3 + \dots + \beta_k x_k + \varepsilon \quad (1)$$

где: y – зависимая переменная, $x_1, x_2, \dots, x_k$ – независимые переменные (факторы), β_0 – свободный член (константа), $\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_k$ – коэффициенты регрессии при соответствующих независимых переменных, ε – случайная ошибка модели (ошибка прогноза, остаточный член).

Модель оценивается методом наименьших квадратов, что обеспечивает минимизацию суммы квадратов отклонений фактических значений зависимой переменной от её расчетных значений по модели.

Интерпретация коэффициентов:

8,81 – свободный член (константа). Это значение Индекса РФ, когда все остальные переменные равны нулю (хотя с практической точки зрения это скорее базовая отправная точка модели).

0,42 при Казахстане – с увеличением индекса экономической свободы Казахстана на 1 балл значение Индекса РФ в среднем увеличивается на 0,42 балла, при прочих равных условиях.

– 0,63 при Таджикистане – с увеличением индекса Таджикистана на 1 балл Индекс РФ в среднем уменьшается на 0,63 балла.

0,46 при Туркменистане – с увеличением индекса Туркменистана на 1 балл Индекс РФ увеличивается на 0,46 балла.

0,07 при Узбекистане – с увеличением индекса Узбекистана на 1 балл Индекс РФ растёт на 0,07 балла (эффект очень слабый).

0,46 при Кыргызстане – с увеличением индекса Кыргызстана на 1 балл Индекс РФ увеличивается на 0,46 балла.

Уравнение модели множественной регрессии:

Индекс РФ = 8,81 + 0,42 * Казахстан – 0,63 * Таджикистан + 0,46 * Туркменистан + 0,07 * Узбекистан + 0,46 * Кыргызстан

где: Индекс РФ – индекс экономической свободы России (зависимая переменная); Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан – индексы экономической свободы соответствующих стран (независимые переменные).

Таблица 2

Интерпретация коэффициентов модели прогнозирования индекса экономической свободы России на основе показателей стран ЦА [4]

Переменная	Коэффициент	Значение р	Экономический смысл
Константа (Россия)	8,81	0,428	Базовый уровень индекса РФ при нулевых индексах ЦА (неинтерпретируемо напрямую)
Казахстан	+0,42	0,033	Рост на 1 пункт у Казахстана связан с ростом индекса РФ на 0.42 пункта
Таджикистан	–0,63	0,045	Рост индекса Таджикистана оказывает отрицательное влияние на индекс РФ
Туркменистан	+0,46	0,010	Существенное положительное влияние
Узбекистан	+0,07	0,590	Незначимое влияние
Кыргызстан	+0,46	0,086	Близко к значимому уровню влияния

Источник: Составлено автором на основе расчетов методом множественной линейной регрессии по данным динамики индекса экономической свободы стран Центральной Азии и России за 2000–2024 гг.

Качество модели: $R^2=0,662$ – модель объясняет 66,2% вариации индекса РФ. pp-value модели: 0,0003 – модель статистически значима.

Возможные проблемы институциональности, мультиколлинеарность (высокое условное число).

Продолжим с проверкой точности модели через RMSE и другими метриками.

Таблица 3

Оценка качества прогнозной модели множественной линейной регрессии на предмет точности и объяснительной способности на основе расчёта метрик RMSE и R^2

Метрика	Значение
RMSE	2,043
R^2	0,662

Источник: Составлено автором на основе расчетов методом множественной линейной регрессии по данным динамики индекса экономической свободы стран ЦА и России за 2000–2024 гг.

Показатели RMSE и R^2 подтверждают, что модель обладает приемлемой точностью. Следующим шагом будет построение прогноза на 2025–2035 годы с ограниченной экстраполяцией. Для построения прогноза была использована методика ограниченной линейной экстраполяции, основанная на усреднённом темпе изменения индексов экономической свободы в предыдущие годы. Расчёт прогнозных значений по каждой стране осуществлялся следующим образом: вычислялся средний годовой темп прироста индекса экономической свободы за последние пять лет наблюдаемого периода (например, с 2020 по 2024 гг.). Предполагалось, что в прогнозный период с 2025 по 2035 годы индекс каждой страны продолжит изменяться с тем же средним темпом прироста, без резких ускорений или спадов.

Для каждого последующего года значение индекса увеличивалось (или уменьшалось) на рассчитанный среднегодовой прирост.

Математически это можно выразить следующим образом:

1. Вычисление среднегодового темпа изменения индекса за 2020–2024 годы по формуле:

$$\Delta \bar{X} = (X_{2024} - X_{2020}) / 4 \quad (2)$$

2. Расчёт прогнозных значений на каждый следующий год по формуле:

$$X_{t+1} = X_t + \Delta \bar{X}, \quad (3)$$

где: X_t – значение индекса в год t , $\Delta \bar{X}$ – среднегодовой прирост, X_{t+1} – значение индекса в следующем году.

Особенности ограниченной экстраполяции: темп прироста фиксирован на уровне последних лет. Не учитываются возможные структурные изменения, кризисы или реформы. Прогноз ограничивается разумным горизонтом времени (10–11 лет), чтобы минимизировать ошибки, накапливающиеся при длительной экстраполяции. После получения прогнозных значений индексов ЦА на каждый год 2025–2035 гг., эти данные были подставлены в уравнение множественной регрессии для расчета прогнозируемого значения индекса экономической свободы России.

Таблица 4

Прогноз на 2025–2035 годы по индексам экономической свободы стран ЦА и предполагаемым значениям индекса России, баллы индекса экономической свободы

Год	Казахстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Кыргызстан	Россия (прогноз)
2025	66,282	52,344	47,674	59,088	57,660	56,321
2026	66,464	52,226	48,023	60,084	57,353	56,564
2027	66,647	52,108	48,371	61,080	57,045	56,808

2028	66,830	51,991	48,719	62,076	56,738	57,051
2029	67,013	51,873	49,067	63,072	56,431	57,294
2030	67,196	51,755	49,415	64,069	56,124	57,537
2031	67,379	51,637	49,764	65,065	55,817	57,781
2032	67,562	51,519	50,112	66,061	55,510	58,024
2033	67,745	51,401	50,460	67,057	55,203	58,267
2034	67,928	51,283	50,808	68,054	54,896	58,510
2035	68,111	51,165	51,157	69,050	54,589	58,754

Источник: Составлено автором на основе расчетов методом ограниченной линейной экстраполяции среднегодового темпа изменения индексов экономической свободы за 2020–2024 годы и последующего применения модели множественной линейной регрессии для прогнозирования индекса экономической свободы России на 2025–2035 годы.

Прогнозная модель на основе линейных трендов и регрессионного уравнения показала следующее. Казахстан демонстрирует устойчивый и умеренный рост уровня экономической свободы, что подтверждает эффективность институциональных преобразований и стабильность административных механизмов. Подобная динамика положительно коррелирует с изменением индекса России, что подчёркивает значимость регионального институционального фона.

Узбекистан также показывает восходящий тренд, что вероятнее всего связано с активной фазой рыночных реформ, либерализацией внешней торговли и попытками улучшения инвестиционного климата. Кыргызстан и Туркменистан демонстрируют признаки поступательного развития институциональной среды, пусть и с различной степенью устойчивости. Эти процессы также оказывают положительное влияние на институциональные ориентиры в России, формируя эффект демонстрации и усиливая региональную конкуренцию за инвестиции.

В то же время Таджикистан демонстрирует стагнацию индекса и статистически значимое отрицательное влияние на показатель по России. Это говорит о сохраняющейся слабости институциональной базы и нестабильности реформ, что потенциально снижает инвестиционную привлекательность региона в целом и усиливает риски для сопредельных экономик.

Классические и неоклассические теории экономического роста традиционно выделяют инвестиции в основной и человеческий капитал в качестве основных факторов, определяющих долгосрочные темпы развития экономики. Среди стран ЦА наиболее высоких экономических показателей добился Казахстан, где, по данным Всемирного банка, валовой внутренний продукт (ВВП) в 2020 году достиг 501 млрд. долл., увеличившись с 218 млрд. долл., зафиксированных в 2014 году.

На втором месте по величине ВВП находится Узбекистан, продемонстрировавший рост с 62,6 млрд. долл. в 2014 году до 253 млрд. долл. в 2020 году [8]. Указанные данные свидетельствуют о высоких темпах экономического развития: ВВП Казахстана увеличился в 2,3 раза, а Узбекистана – почти в четыре раза за указанный период.

При этом наблюдаются значительные различия в уровне ВВП на душу населения. Наименьшие значения зафиксированы в Республике Таджикистан, где в 2020 году этот показатель составил 877 долл. В Узбекистане ВВП на душу населения достиг 1831 долл., в Кыргызстане – 1292 долл., в Туркменистане – 7816 долл., что отражает разный уровень благосостояния населения в странах региона [1].

Таким образом, уровень экономической свободы стран ЦА оказывает не только прямое институциональное воздействие на внутренние показатели России, но и формирует внешний институциональный контур, влияющий на поведение инвесторов, регуляторов и бизнес-среды в целом. В этих условиях ключевым направлением развития выступает формирование механизмов институциональной координации, развитие интеграционных форматов (например, в рамках ЕАЭС), а также активное использование позитивных практик и реформ внутри региона как инструмента мягкой гармонизации экономических режимов [27].

На фоне этих изменений Индекс экономической свободы России по прогнозу также демонстрирует положительную динамику, с ростом примерно от 56.3 до 58.8 пунктов в течение 2025–2035 гг.

Анализ динамики индекса экономической свободы за 2000–2025 годы и построение регрессионной модели позволили выявить значимую институциональную взаимосвязь между Российской Федерацией и странами ЦА. Использование международного индикатора – Index of Economic Freedom от Heritage Foundation – обеспечило сопоставимость и объективность оценки.

Проведённая множественная регрессия, в которой индекс России выступает в роли зависимой переменной, а показатели Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана – в роли независимых, продемонстрировала высокий уровень объясняющей способности модели ($R^2 = 66\%$). Это свидетельствует о наличии системного влияния уровня экономической свободы в странах региона на институциональные показатели Российской Федерации.

Прогнозная модель на основе линейных трендов и регрессионного уравнения показала следующее. Казахстан демонстрирует устойчивый и умеренный рост уровня экономической свободы, что подтверждает эффективность институциональных преобразований и стабильность административных механизмов. Подобная динамика положительно коррелирует с изменением индекса России, что подчёркивает значимость регионального институционального фона.

3. Евразийская экономическая интеграция на основе российской модели институциональной устойчивости

Тема евразийской экономической интеграции относится к числу ключевых направлений в сфере интеллектуального поиска путей развития мировой экономики. Евразийская интеграция представляет собой один из вариантов развития группы внутриматериковых стран, удаленных от главных международных рынков капитала. В ЕАЭС преобладают национальные интересы каждой страны, необязательна унификация институтов управления государствами, которая предполагает изъятия из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, а также разный уровень членства и взаимодействия с ВТО [10]. Действующая модель интеграции, по существу, представляет собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для нее. ЕАЭС является наивысшей формой интеграции государств – участников СНГ, добавляющей устойчивости в конструкцию Содружества. В основе документа лежит договорно-правовая база ТС и ЕЭП. Нормы были оптимизированы и приведены в соответствие с правилами ВТО [11].

Узбекистан также показывает восходящий тренд, что вероятнее всего связано с активной фазой рыночных реформ, либерализацией внешней торговли и попытками улучшения инвестиционного климата. Кыргызстан и Туркменистан демонстрируют признаки поступательного развития институциональной среды, пусть и с различной степенью устойчивости. Эти процессы также оказывают положительное влияние на институциональные ориентиры в России, формируя эффект демонстрации и усиливая региональную конкуренцию за инвестиции [23].

В то же время Таджикистан демонстрирует стагнацию индекса и статистически значимое отрицательное влияние на показатель по России. Это говорит о сохраняющейся слабости институциональной базы и нестабильности реформ, что потенциально снижает инвестиционную привлекательность региона в целом и усиливает риски для сопредельных экономик.

Российская модель институциональной устойчивости частично коррелирует с ситуацией в соседних странах Центральной Азии. Это свидетельствует о наличии региональных институциональных взаимосвязей. Рост свободы в Казахстане и Туркменистане оказывает стимулирующее влияние на институциональные ожидания и реформы в РФ, особенно в контексте интеграционных объединений (например, ЕАЭС).

На этом фоне следует отметить, что институциональные преобразования в странах ЦА формируют своего рода ориентир для внутренней институциональной динамики в России. Особенно это заметно в сферах дерегулирования, защиты прав собственности и обеспечения прозрачности экономической политики. Когда соседние государства демонстрируют прогресс по международным рейтингам, это усиливает давление на внутренние институты РФ в направлении адаптации к новым стандартам.

Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС усиливают эту тенденцию, превращая институциональные успехи отдельных стран региона в модель для подражания или

сопоставления. Таким образом, региональная институциональная конкуренция может стать важным фактором внутренней устойчивости, модернизации административных практик и создания благоприятного инвестиционного климата в Российской Федерации.

Однако в этой системе существует и обратный эффект: слабые и неустойчивые институты в отдельных странах региона могут создавать препятствия для координации политики, вызывать асимметрию в регуляторных подходах и снижать темпы трансграничных реформ. Это требует от России гибкости в выборе механизмов институционального взаимодействия – от дифференцированного партнёрства до развития стратегических альянсов на двустороннем и многостороннем уровнях.

Риски, выявленные в процессе анализа, касаются как эконометрических особенностей модели, так и более широких региональных факторов. В первую очередь следует отметить потенциально высокую мультиколлинеарность, возникающую из-за схожести институциональных траекторий стран с низкими показателями экономической свободы, таких как Таджикистан. Это может приводить к волатильности оценок и затруднять интерпретацию взаимосвязей.

Дополнительным источником риска являются геополитические потрясения и внутренние политико-экономические кризисы в странах ЦА. Подобные события могут нарушать устойчивость институциональных трендов и снижать прогностическую ценность построенной модели, особенно в случае радикальных реформ или конфликтов, дестабилизирующих региональную архитектуру взаимодействий.

В то же время выявлены и значимые возможности, способные трансформировать институциональное пространство региона. В частности, активное сотрудничество с реформирующимися странами – Казахстаном и Узбекистаном – может стать катализатором повышения качества институтов в России. Укрепление межгосударственных связей и распространение успешных практик создают предпосылки для роста доверия со стороны международных инвесторов и усиления институционального капитала.

Кроме того, расширение институциональной интеграции через развитие единых рынков и гармонизацию регуляторных подходов в рамках ЕАЭС может способствовать повышению конкурентоспособности России на глобальном уровне. В условиях усиливающейся конкуренции за инвестиции и ресурсы, региональные союзы становятся не только механизмом политического сближения, но и инструментом институционального развития, основанного на взаимной адаптации и институциональном заимствовании. На основе проведённого анализа и выявленных взаимосвязей между институциональными параметрами России и стран Центральной Азии можно сформулировать следующие практико-ориентированные рекомендации [7].

Во-первых, российским регуляторам и институтам развития следует активизировать участие в региональных интеграционных инициативах, не ограничиваясь политическим уровнем, а фокусируясь на унификации правил, процедур и механизмов защиты прав собственности. Это позволит выстроить более предсказуемую среду для инвестиций и предпринимательства.

Во-вторых, целесообразно выстроить систему институционального мониторинга стран ЦА с регулярной аналитикой влияния их реформ на инвестиционные ожидания в России. Такой подход позволит более оперативно адаптировать внутренние решения и минимизировать внешние риски.

В-третьих, необходимо инициировать программы институционального заимствования успешных практик Казахстана и Узбекистана в сферах цифровизации государственного управления, дерегуляции малого и среднего бизнеса, а также повышения прозрачности налоговой системы.

В-четвёртых, рекомендуется развивать многоуровневую диалоговую платформу между странами ЕАЭС по вопросам институциональной гармонизации, где Россия может выступать не только координатором, но и бенефициаром обмена опытом и повышения стандартов качества управления.

И, наконец, с учётом выявленного институционального риска от стран с неустойчивыми траекториями (например, Таджикистан), стоит рассматривать подход «умного партнёрства» с

опорой на дифференцированное регулирование и институциональные фильтры при реализации совместных инициатив.

Современная экономическая наука признает ключевую роль институтов в обеспечении устойчивого экономического развития. Общепринятым стало положение о том, что стабильность и эффективность институциональной среды создают базовые условия для привлечения инвестиций и стимулирования предпринимательской активности.

4. Модернизация формальных и неформальных институтов развития на основе принципов свободной конкуренции

Модернизация как формальных, так и неформальных институтов в ряде государств обеспечила переход к новым экономическим системам, основанным на принципах свободной конкуренции. Данный процесс позволил заменить ранее доминировавшие монополистические структуры, что способствовало ускоренному восстановлению экономики и созданию условий для дальнейшего устойчивого роста [25].

Согласно институциональному подходу, инвестиционная активность рассматривается как результат формирования, укрепления и повышения эффективности функционирования институтов. Недостаточный уровень защиты прав собственности приводит к снижению доли инвестиций в валовом внутреннем продукте по сравнению с экономиками, где права собственности надежно защищены. В условиях институциональной нестабильности предприятия склонны выбирать неоптимальные направления и объемы капиталовложений, ограничивающие перспективы экономического роста. Только при наличии уверенности в защищенности имущественных прав собственники факторов производства готовы инвестировать в их развитие в долгосрочной перспективе [2].

Глобальная экономика и финансовые рынки в настоящее время переживают масштабные трансформации, затрагивающие и Россию. Расширение санкционного давления, изменения в структуре национальных финансовых рынков и трансформация экономических правил свидетельствуют о переходе к новой модели функционирования. Несмотря на серьезные вызовы, формирующаяся ситуация открывает дополнительные возможности для активизации экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии и стимулирования внутреннего развития.

5. Анализ и обсуждение результатов проведенного регрессионного анализа Индекса восприятия коррупции

Проведем регрессионный анализ Индекса восприятия коррупции, его динамика приведена в приложении 2.

Для каждой страны была построена простая линейная регрессионная модель, описывающая динамику Индекса восприятия коррупции в зависимости от времени (года). Модель имеет следующий вид:

$$Y = a * t + b \quad (4)$$

где: Y – значение Индекса восприятия коррупции в данный год, t – номер года (например, 2000, 2001, ..., 2024), a – коэффициент наклона (показывает среднее изменение индекса за один год), b – пересечение с осью Y (значение индекса при нулевом значении t), R^2 – коэффициент детерминации, характеризующий качество аппроксимации модели.

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа Индекса восприятия коррупции стран ЦА и России

	Страна	Наклон (тренд)	Пересечение с осью Y	Коэффициент детерминации R^2
1	Казахстан	0,698	-1376,083	0,788
2	Таджикистан	0,069	-115,833	0,042
3	Туркменистан	-0,036	90,583	0,017
4	Узбекистан	0,285	-550,667	0,141

5	Кыргызская Республика	0,473	-927,417	0,523
6	Россия	0,143	-261,75	0,123

Источник: Составлено автором на основе результатов регрессионного анализа динамики Индекса восприятия коррупции стран ЦА и России за период 2000–2024 гг.

Анализ линейных трендов Индекса восприятия коррупции (ИВК) за рассматриваемый период показывает, что наибольшие положительные изменения наблюдаются в Казахстане и Кыргызской Республике. У Казахстана наибольший коэффициент наклона (0,698) и высокая степень объяснённости модели ($R^2 = 0,788$), что свидетельствует о стабильной и статистически значимой тенденции к снижению уровня восприятия коррупции. В Кыргызстане коэффициент наклона составил 0,473 при $R^2 = 0,523$, также указывая на умеренно устойчивое улучшение ситуации.

В то же время, в странах с низкими значениями коэффициента детерминации наблюдается либо слабый тренд, либо его отсутствие. Например, в Таджикистане (наклон 0,069; $R^2 = 0,042$) и Узбекистане (наклон 0,285; $R^2 = 0,141$) положительные изменения происходят неравномерно и не обладают значимой предсказательной силой. Особенно стоит отметить Туркменистан, где выявлен отрицательный тренд (наклон $-0,036$) и практически нулевая объяснённость модели ($R^2 = 0,017$), что может указывать на стагнацию или ухудшение восприятия коррупции.

Для России характерен слабый положительный тренд (наклон 0,143) и низкий уровень R^2 (0,123), что свидетельствует о неустойчивости антикоррупционных изменений. Таким образом, можно сделать вывод, что только отдельные страны региона демонстрируют устойчивые позитивные сдвиги в восприятии коррупции, тогда как в большинстве случаев наблюдаются колебания и слабая линейная зависимость между временем и уровнем ИВК.

Для оценки динамики Индекса восприятия коррупции каждой страны была построена простая линейная регрессионная модель вида:

$$Y = a * t + b \quad (5)$$

где: Y – значение Индекса восприятия коррупции в данный год, t – номер года (например, 2000, 2001, ..., 2024), a – коэффициент наклона (показывает среднее изменение индекса за один год), b – пересечение с осью Y , Стандартная ошибка – отклонение оцененного коэффициента, t -статистика – отношение коэффициента к его стандартной ошибке, p -значение – вероятность ошибки при принятии гипотезы о значимости коэффициента, R^2 – коэффициент детерминации, характеризующий долю объяснённой вариации зависимой переменной.

Таблица 6

Регрессионная статистика по странам Индекса восприятия коррупции стран ЦА и России

Страна	Коэффициент (наклон)	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	R2
Казахстан	0,698	0,077	9,049	0	0,788
Таджикистан	0,069	0,07	0,988	0,334	0,042
Туркменистан	-0,036	0,058	-0,619	0,542	0,017
Узбекистан	0,285	0,15	1,903	0,07	0,141
Кыргызская Республика	0,473	0,096	4,913	0	0,523
Россия	0,143	0,081	1,76	0,092	0,123

Источник: Составлено автором на основе результатов регрессионного анализа динамики Индекса восприятия коррупции стран ЦА и России за период 2000–2024 гг. с использованием метода оценки коэффициентов простых линейных регрессий.

Результаты регрессионного анализа Индекса восприятия коррупции (CPI) по странам ЦА и России позволяют оценить динамику изменений институционального развития на протяжении исследуемого периода. В частности, наиболее положительная динамика зафиксирована в Казахстане, где коэффициент наклона регрессионной линии составил 0,698 при высоком уровне детерминации ($R^2 = 0,788$) и статистически значимом p -значении, равном нулю. Это

свидетельствует о стабильном и достоверном улучшении восприятия коррупции, что, в свою очередь, может интерпретироваться как индикатор укрепления институциональной среды.

Сходные тенденции наблюдаются в Кыргызской Республике, где значение коэффициента наклона составило 0,473, а уровень объясняющей способности модели ($R^2 = 0,523$) также оказался достаточно высоким. Статистическая значимость результатов подтверждается нулевым р-значением. Таким образом, можно сделать вывод о наличии устойчивого положительного тренда в восприятии коррупции, что, вероятно, отражает усилия по институциональным реформам.

В случае Узбекистана наблюдается умеренный положительный тренд с коэффициентом 0,285. Однако уровень статистической значимости результатов близок к пограничному ($p = 0,07$), а коэффициент детерминации составляет всего 0,141. Это указывает на ограниченную объясняющую способность модели и недостаточную стабильность улучшений, что затрудняет однозначную интерпретацию динамики.

Для России коэффициент наклона равен 0,143, однако ни уровень R^2 (0,123), ни значение p (0,092) не позволяют говорить о статистически достоверной положительной динамике. Это может свидетельствовать о незначительных изменениях восприятия коррупции в исследуемый период или о наличии других факторов, не учтённых в модели.

Таджикистан и Туркменистан демонстрируют наименьшую степень изменений. В обоих случаях значения коэффициентов наклона находятся вблизи нуля (0,069 и -0,036 соответственно), а коэффициенты детерминации (0,042 и 0,017) и высокие значения р-уровней (0,334 и 0,542) указывают на отсутствие статистически значимых тенденций. Это может означать стагнацию в институциональном развитии или недостаточную прозрачность данных для выявления устойчивых закономерностей.

Для анализа динамики Индекса восприятия коррупции построены простые линейные регрессионные модели вида по формуле 5.

Статистически значимыми признаны тренды при р-значении менее 0,05.

Таблица 7

Оценка статистически значимых линейных трендов изменения Индекса восприятия коррупции в странах ЦА

Страна	Коэффициент (наклон)	Ст. ошибка	t- статистика	Р- значение	R2
Казахстан	0,698	0,077	9,049	0,0	0,788
Кыргызская Республика	0,473	0,096	4,913	0,0	0,523

Источник: Составлено автором на основе результатов регрессионного анализа динамики Индекса восприятия коррупции стран ЦА за период 2000–2024 гг. с использованием метода простой линейной регрессии и отбором переменных по критерию статистической значимости (р-значение < 0,05).

Таким образом, наибольшие признаки прогресса в институциональном развитии, согласно данным по индексу восприятия коррупции, наблюдаются в Казахстане и Кыргызской Республике, в то время как в других странах региона изменения либо незначительны, либо статистически не подтверждаются.

В настоящее время, как и три с половиной десятилетия назад, когда формировались основы российского валютного рынка, ставшего впоследствии индикатором трансформационных рыночных процессов, вновь складываются предпосылки, определяющие позиции России в глобальной экономической системе на среднесрочную перспективу [6].

Точное разграничение прав собственности и их эффективная правовая защита рассматриваются в качестве одной из ключевых детерминант успешного экономического развития. Низкое качество механизмов защиты собственности и слабость институциональной

инфраструктуры, напротив, представляют собой существенные барьеры для ускорения экономического роста, особенно в развивающихся странах [15].

Основными проблемами для претворения программ экономического и социального в жизнь являются коррупция в ЦА, недостаток бюджетного и зарубежного финансирования и огромные пласты теневой экономики, которая развивается динамично, обозначая старые и создавая новые проблемы для успешного развития пяти стран в условиях новых волн глобального экономического кризиса 2008 года в 2010–2020 гг. с продолжением в 2020–2030 [24] гг.

Объем необходимых суммарных затрат в течение первых пяти лет с начала старта реальных вложений на указанные ранее альтернативные секторы народного хозяйства всех пяти республик составляет порядка 20–21 млрд долларов США, по разным оценкам, а средства, которые затратили правительства стран ЦА, не превысили и 100 млн долл. США. Склонность тратить остатки наследия СССР с расхищением денег зарубежных инвесторов при их содействии и без него, с интеграцией средств в каналы теневой региональной экономики при попустительстве всех этажей бюрократического аппарата оказался сильнее [26].

При создании новых институтов, нельзя просто экспортировать, по аналогии с товарами и ресурсами, западные концепции и теории [30]. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент национальная экономика в целом и местные социальные и культурные различия практически не принимаются во внимание.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что государства с более развитой институциональной системой демонстрируют большую устойчивость к внешним экономическим шокам. В частности, Дэни Родрик еще в конце XX века установил закономерность между высоким качеством институтов и способностью стран успешно преодолевать экономические кризисы. Антикризисные стратегии оказывались значительно более результативными в тех экономиках, где функционировали эффективные институты и сохранялось общественное единство. В противоположность этому, недостаточная институциональная зрелость и наличие внутренних социальных конфликтов существенно осложняли процессы выхода из кризисных состояний [28].

Ряд исследований подчеркивает, что макроэкономическая нестабильность оказывает менее выраженное негативное влияние на страны, обладающие более устойчивыми институтами. Таким образом, степень развитости институтов определяется в числе критических факторов, определяющих экономическую стабильность [19].

Крайне актуальным этот вопрос является для стран ЦА, где построение новых институтов переплетается со структурными изменениями в политической, социальной и культурной структуре общества. Во всех странах Центральноазиатского региона начались процессы институционализации. Институционализация – это преобразование какого-либо политического явления или движения в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархий власти различной моделей и форм правления.

В политической мысли существуют критерии институционализации, в частности: это определение границ, совокупных институтов, учреждений, организаций, наличие связанных с функционированием политической власти, необходимость которых требует преобразования политической инфраструктуры начиная от политических партий, общественно-политических организаций и движений, лоббистских групп, до средств массовой информации, религиозных институтов и общин. В-третьих, способность определенных классов и социальных групп, граждан к самоорганизации, так, как общество с плюралистическими институтами не может обойтись без института местного самоуправления. В совокупности все это обеспечивает эффективность преобразования механизмов и модернизации всей системы в целом [21].

Заключение

Таким образом, основной задачей институционализации перед молодыми государствами ЦА состояла в том, чтобы в контексте достаточно противоречивых политических процессов, выявить основные закономерности, тенденции, особенности, критерии эффективности

политического преобразования, а также сформулировать политическую концепцию социально-политического обновления, согласно характеру развития современной цивилизации [3].

Встала необходимость использовать разнообразие социально-политического опыта других стран, с целью нахождения оптимальных моделей для сравнения с реальностью, которая нуждалась в модернизации [22]. В модернизации необходимо было учесть, тот факт, что народы, населяющие эти страны должны были быть готовы к идеям политической самоорганизации, взаиморазвития, взаимосотрудничества, не противоречащих национальным интересам [2].

Совокупное качество институциональной среды, включая эффективность защиты прав собственности и контрактных обязательств, степень независимости и качества судебной системы, эффективность бюрократического аппарата, глубину финансовых рынков и уровень коррупции, признано важнейшим условием устойчивого экономического роста. Формирование национальных институтов частной собственности, стимулирующих граждан стран ЦА инвестировать в развитие собственных государств при условии предоставления надлежащих гарантий государственной защиты, представляет собой один из ключевых аспектов повышения качества институциональной среды в регионе [7].

Оценка уровня институционального развития России и стран ЦА на основе международных индикаторов позволила выявить важные закономерности в динамике и качестве институтов. Страны региона демонстрируют разнонаправленные траектории развития: Казахстан и Узбекистан достигли значительных успехов благодаря системным реформам и либерализации, в то время как Таджикистан и Туркменистан сохраняют слабую институциональную базу. Россия, находясь в условиях внешнего давления и внутренней модернизации, показывает умеренный рост институциональных показателей, находясь под влиянием региональных трендов и процессов интеграции в рамках ЕАЭС.

Применение многофакторной регрессионной модели подтвердило наличие устойчивой взаимосвязи между изменениями уровня экономической свободы в странах ЦА и динамикой аналогичного индекса в России. Рост институционального качества в Казахстане и Туркменистане оказывает стимулирующее влияние на российские показатели, в то время как стагнация в Таджикистане представляет собой институциональный риск. Анализ Индекса восприятия коррупции показал, что только Казахстан и Кыргызстан демонстрируют устойчивые улучшения, в то время как в остальных странах изменения слабые или статистически незначимые.

Таким образом, институциональная среда стран ЦА оказывает значимое влияние на внутренние процессы в России через механизмы демонстрационного эффекта, институциональной конкуренции и региональной интеграции. Для обеспечения устойчивого роста и повышения инвестиционной привлекательности российской экономики целесообразно активизировать сотрудничество с наиболее реформируемыми странами региона, развивать программы заимствования лучших практик и учитывать региональные риски в институциональном планировании.

Литература

1. Абдукодилов, Х.А., Абдуллоев М.М., Институциональные основы интеграционных процессов экономик стран центральноазиатского региона в условиях переходного процесса: особенности и перспективы его развития // Ученые записки ХГУ им. академика Б. Гафурова. Серия: Естественные и экономические науки. – 2018. – № 3(46). – С. 74-82.
2. Базарбаев, К.Б. Процесс институционализации стран Центральной Азии // Архонт. – 2023. – № 2(35). – С. 66-69.
3. Валаматзаде, Т.Г. Предпосылки и возможности углубления экономической интеграции стран Центральноазиатского региона // Экономика Таджикистана. – 2024. – № 1. – С. 169-175.
4. Всемирный банк. Worldwide Governance Indicators (WGI) – Aggregate Indicators of Governance 1996–2023 [Электронный ресурс] // The World Bank Group. – URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (дата обращения: 24.04.2025).

5. Грищенко, В.О., Синяков А.А. Демография и равновесные процентные ставки: конкурирующие концепции и российский опыт // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 1(62). – С. 229-239.
6. Ершов, М. В. Глобальные тенденции в мировой экономике и новые возможности для России // Вопросы экономики. – 2024. – № 12. – С. 5-28.
7. Заболоцкая Д.А. Влияние цифровизации государственного управления на процент коррупции. В сб.: Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 9-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, (23–24 января 2024 года) / Отв. ред. А.А. Горохов. В 3-х томах. Т. 1. Курск: Университетская книга, 2024 С. 216–219.
8. Зиядуллаев, Н.С., Тростянский Д.В. Макроэкономические перспективы Узбекистана: потенциал и предпосылки их достижения // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 195-206.
9. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
10. Зоидов К.Х., Омарова З.К., Петросянц Д.В. Формирование механизмов регулирования внешнеэкономической деятельности в условиях евразийской интеграции и глобализации в рамках ВТО // Международная экономическая интеграция с участием РФ: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции. М.: ИПР РАН, 2015. – С. 125-131.
11. Зоидов К.Х., Урунов А.А., Омарова З.К., Усманов Д.И. Регулирование пространственного развития и активизация процессов экономической интеграции: методологические аспекты оценки уровня качества единого экономического пространства // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – № 5(115). – С. 5-20.
12. Иброхимзода, У.Х. Процесс интеграции в Центральной Азии: перспективы и барьеры // Таджикистан и современный мир. – 2023. – № 1(81). – С. 100-107.
13. Каримова, М.Т., Адолати К. Экономическая интеграция стран Центральноазиатского региона // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 2(78). – С. 150-158.
14. Коваленко, Ю.Н., Улезько А.В. Теоретические аспекты формирования институциональной среды // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 8, № 4(145). – С. 4-11.
15. Макарова, С.М. Формирование частной собственности и развитие предпринимательства в странах центральной Азии // ЦА: десять лет независимости: реферативный сборник – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 174.
16. Мартынова, Е.С. Факторы институциональной динамики региональной интеграции на примере АСЕАН и ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 1(62). – С. 42-57.
17. Махмутова, Е. В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 4(61). – С. 78-91.
18. Платонова Е.Д. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: труд и предпринимательство // Флагман науки. 2024 №5. С. 816-818.
19. Смирнов, С.В., Кондрашов Н.В., Качур А.С. Макроэкономические прогнозы и макроэкономические прогнозисты // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 23-48.
20. Стратегический вектор развития стран ЕАЭС и ЦА в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности / Н.С. Зиядуллаев, Х.А. Бахриддинова, З.К. Омарова // Экономика Центральной Азии. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 9-24.
21. Тогусаков, О.А., Базарбаев К.Б. Тенденции и отличия в институционализации социальной политики стран ЦА // Архонт. – 2024. – № 2(41). – С. 19-25.
22. Усмонзода, Х.У., Зувайдуллозода М.Х. Пространство пересечения интересов и взаимно ориентирующихся ценностей между странами Центральной Азии // Таджикистан и современный мир. – 2024. – № 2(86). – С. 12-24.
23. Хейфец, Б.А., Чернова В.Ю. Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами ЦА в современных геополитических реалиях мировой экономики // Россия и современный мир. – 2024. – № 1(122). – С. 7-24.

24. Aimbetov, N. K., & Kuryozov, D. I. (2023). Reduction of imbalances in the development of Uzbek regions based on the assessment of economic growth factors. *Journal of Central Asia Economy*, 7(3), 191-206. <https://doi.org/10.18334/asia.7.3.119573>.
25. Forecast combinations: An over 50-year review / X. Wang, R.J. Hyndman, F. Li, Ya. Kang // *International Journal of Forecasting*. – 2023. – Vol. 39, No. 4. – P. 1518-1547.
26. Kurbanov, S. P. (2023). Increasing employment as a tool for poverty reduction in Uzbekistan. *Russian Journal of Labour Economics*, 10(12), 2185-2193. <https://doi.org/10.18334/et.10.12.119877>.
27. Orozonova, A. A., Israilova, A. A., Abykeeva, M. A., & Sharshееva, A. N. (2024). Corruption risks in the system of sustainable public procurement. *Journal of Central Asia Economy*, 8(1), 71-89. <https://doi.org/10.18334/asia.8.1.120560>.
28. Rodrik D. Growth Strategies. *Handbooks in Economics 22: Handbook of Economic Growth, Volume 1A*. Ed. Philippe Aghion and Steven N. Durlauf. Elsevier North-Holland, 2005, 967-1014. <https://www.hks.harvard.edu/faculty/dani-rodrik>
29. Rodrik, D., Subramanian, A., Trebbi, F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. — National Bureau of Economic Research, Working Paper No. 9305, 2002. — Available at: <https://www.nber.org/papers/w9305> (accessed: 29.04.2025).
30. Shahlo JU. Study and analysis of factors affecting population income: the case of Uzbekistan. *Экономика Центральной Азии*. 2024; 8(3):207-216. <https://doi.org/10.18334/asia.8.3.122347>.
31. Transparency International. — Текст: электронный // Transparency International. — URL: <https://www.transparency.org/en/about> (дата обращения: 28.04.2025).

References

1. Abdukodirov, Kh.A., Abdulloev M.M., Institutional foundations of the integration processes of the economies of the Central Asian region in the context of the transition process: features and prospects of its development // *Scientific Notes of the KSU named after Academician B. Gafurov. Series: Natural and Economic Sciences*. – 2018. – № 3(46). – Pp. 74-82.
2. Bazarbayev, K.B. The process of institutionalization of Central Asian countries // *Archon*. – 2023. – № 2(35). – Pp. 66-69.
3. Valamatzade, T.G. Prerequisites and opportunities for deepening economic integration of the countries of the Central Asian region // *The economy of Tajikistan*. – 2024. – No. 1. – pp. 169-175.
4. The World Bank. Worldwide Governance Indicators (WGI) – Aggregate Indicators of Governance 1996-2023 [Electronic resource] // The World Bank Group. – URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (date of access: 04/24/2025).
5. Grishchenko, V.O., Sinyakov A.A. Demography and equilibrium interest rates: competing concepts and Russian experience // *Journal of the New Economic Association*. – 2024. – № 1(62). – Pp. 229-239.
6. Yershov, M. V. Global trends in the global economy and new opportunities for Russia // *Economic issues*. – 2024. – No. 12. – pp. 5-28.
7. Zabolotskaya D.A. The impact of digitalization of public administration on the percentage of corruption. In the collection: *Problems of the development of modern society. Collection of scientific articles of the 9th All-Russian National Scientific and Practical Conference, (January 23-24, 2024)* / Ed. by A.A. Gorokhov. In 3 volumes. Vol. 1. Kursk: University Book, 2024, pp. 216-219.
8. Ziyadullaev, N.S., Trostyansky, D.V. Macroeconomic prospects of Uzbekistan: potential and prerequisites for their achievement // *The Economy of Central Asia*. – 2024. – Vol. 8, No. 3. – pp. 195-206.
9. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
10. Zoidov K.Kh., Omarova Z.K., Petrosyants D.V. Formation of mechanisms for regulating foreign economic activity in the context of Eurasian integration and globalization within the WTO // *International economic integration with the participation of the Russian Federation: experience,*

problems, development prospects: Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow: IPR RAS, 2015. – pp. 125-131.

11. Zoidov K.Kh., Urunov A.A., Omarova Z.K., Usmanov D.I. Regulation of spatial development and activation of economic integration processes: methodological aspects of assessing the quality level of the single economic space // *Regional problems of economic transformation*. – 2020. – № 5(115). – Pp. 5-20.

12. Ibrokhimzoda, U.H. The process of integration in Central Asia: prospects and barriers // *Tajikistan and the modern world*. – 2023. – № 1(81). – Pp. 100-107.

13. Karimova, M.T., Adolati K. Economic integration of the countries of the Central Asian region // *Tajikistan and the modern world*. – 2022. – № 2(78). – Pp. 150-158.

14. Kovalenko, Yu.N., Ulezko A.V. Theoretical aspects of the formation of the institutional environment // *Economics and management: problems, solutions*. – 2024. – Vol. 8, No. 4(145). – pp. 4-11.

15. Makarova, S.M. Formation of private property and development of entrepreneurship in the countries of Central Asia // *Central Asia: ten years of independence: abstract collection* – M.: INION RAS, 2001. – p. 174.

16. Martynova, E.S. Factors of the institutional dynamics of regional integration on the example of ASEAN and the EAEU // *Russia and the new states of Eurasia*. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-57.

17. Makhmutova, E. V. Central Asia in search of its own integration model // *Bulletin of MGIMO University*. – 2018. – № 4(61). – Pp. 78-91.

18. Platonova E.D. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: labor and entrepreneurship // *Flagship of Science*. 2024 No. 5. pp. 816-818.

19. Smirnov, S.V., Kondrashov, N.V., and Kachur, A.S., Macroeconomic forecasts and macroeconomic forecasters, *Voprosy ekonomiki*. – 2024. – No. 2. – pp. 23-48.

20. Strategic vector of development of the EAEU and Central Asian countries within the framework of economic security priorities / N.S. Ziyadullaev, H.A. Bakhridinova, Z.K. Omarova // *The Economy of Central Asia*. – 2023. – Vol. 7, No. 1. – pp. 9-24.

21. Togusakov, O.A., Bazarbayev K.B. Trends and differences in the institutionalization of social policy in Central Asian countries // *Archon*. – 2024. – № 2(41). – Pp. 19-25.

22. Usmonzoda, H.U., Zuwaydullozoda, M.H. The space of intersection of interests and mutually oriented values between the countries of Central Asia // *Tajikistan and the modern world*. – 2024. – № 2(86). – Pp. 12-24.

23. Kheifets, B.A., Chernova V.Yu. A new look at the strategy of Russia's economic integration with Central Asian countries in the modern geopolitical realities of the world economy // *Russia and the modern world*. – 2024. – № 1(122). – Pp. 7-24.

24. Aimbetov, N. K., & Kuryozov, D. I. (2023). Reduction of imbalances in the development of Uzbek regions based on the assessment of economic growth factors. *Journal of Central Asia Economy*, 7(3), 191-206. <https://doi.org/10.18334/asia.7.3.119573>.

25. Forecast combinations: An over 50-year review / X. Wang, R.J. Hyndman, F. Li, Ya. Kang // *International Journal of Forecasting*. – 2023. – Vol. 39, No. 4. – P. 1518-1547.

26. Kurbanov, S. P. (2023). Increasing employment as a tool for poverty reduction in Uzbekistan. *Russian Journal of Labour Economics*, 10(12), 2185-2193. <https://doi.org/10.18334/et.10.12.119877>.

27. Orozonova, A. A., Israilova, A. A., Abykeeva, M. A., & Sharsheeva, A. N. (2024). Corruption risks in the system of sustainable public procurement. *Journal of Central Asia Economy*, 8(1), 71-89. <https://doi.org/10.18334/asia.8.1.120560>.

28. Rodrik D. Growth Strategies. Handbooks in Economics 22: Handbook of Economic Growth, Volume 1A. Ed. Philippe Aghion and Steven N. Durlauf. Elsevier N Elsevier North-Holland, 2005, 967-1014. <https://www.hks.harvard.edu/faculty/dani-rodrik>

29. Rodrik, D., Subramanian, A., Trebbi, F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. — National Bureau of Economic Research, Working Paper No. 9305, 2002. — Available at: <https://www.nber.org/papers/w9305> (accessed: 29.04.2025).

30. Shahlo JU. Study and analysis of factors affecting population income: the case of Uzbekistan. *Экономика Центральной Азии*. 2024; 8(3):207-216. <https://doi.org/10.18334/asia.8.3.122347>.

31. Transparency International. — Текст: электронный // Transparency International. — URL: <https://www.transparency.org/en/about> (дата обращения: 28.04.2025).

Об авторе

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН, Москва.

About author

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the Market Economy Institute of RAS, Moscow.